

ИРИНА РЯЗАНОВА

ДОРОГАМИ ВОЕННОЙ РАДИСТКИ

Из книги воспоминаний “Непрерывная связь”

Никто не знал, что 22 июня 1941 года резко разграничит жизнь нашей страны. Я сейчас уже не помню, какие планы были у меня, юной москвички (мне исполнилось тогда только 16 лет), на этот день. У нас начинались каникулы, я закончила восьмой класс. Теперь надо было отдыхать, сбросить напряжение учёбы, волнения экзаменов. Поехать в деревню, на речку, в лес... Но в городе тоже здорово. В нашем дворе деревья шумят, дни длинные. Бульварное кольцо, обсаженное липами, недалеко. Я жила в Москве, в Кропоткинском переулке, в доме, что во дворе за особняком Кропоткина.

Около десяти часов утра по радио передали, что будет важное правительственное сообщение. На кухне нашей коммунальной квартиры загомонили: “Война, наверное”. Мы с Люськой Туссовой, моей подругой из третьей квартиры, бросились в школу, которая находилась на Кропоткинской улице у Большого Левшинского переулка. Это здание бывшей знаменитой поливановской гимназии, здесь учились поэты Валерий Брюсов и Андрей Белый, философ Владимир Соловьёв, сюда приводили своих детей драматург Александр Островский и великий русский писатель Лев Толстой. Много детских воспоминаний связано у меня с моей школой, но вот когда после войны я вернулась доучиваться, то спустя несколько дней ушла оттуда, перевелась в вечернюю. Я поняла: нельзя вернуться в своё детство, когда за плечами фронт и четыре года войны...

На лето меня отправили на дачу, но вскоре мы вернулись в Москву. Совинформбюро сообщало, что войска отступают на заранее подготовленные позиции. Говорили, что это такая тактика – заманивают врага. В Москве исчезла довоенная беззаботность, город становился строже, суровой. Затемнения, воздушные тревоги, аэростаты заграждения – все эти приметы военного времени преобразили нашу столицу. Окна квартир обклеили полосками бумаги, защищая стекло от удара воздушной волны при бомбёжках. Витрины магазинов закладывались мешками с песком. Москвичи быстро привыкли к “ежам” противотанковой обороны на многих перекрёстках.

РЯЗАНОВА Ирина Борисовна родилась в Москве. С 1941 года, с шестнадцати лет, служила в армии, прошла фронтовой путь военной радистки. В 1947 году стала женой генерала Рязанова. В 1951 году её муж скончался. Ирина Борисовна долгое время работала в Киевском институте инженеров гражданской авиации. 26 октября 2006 года Ирина Борисовна Рязанова умерла. Осталась книга её воспоминаний, отрывки из которой здесь публикуются

Первого сентября мы пришли в школу, но занятий не было. Через месяц оказалось, что здание занимают под военный госпиталь, а школьников переводят в другую школу. Занятия начались, но вскоре совсем прекратились. Сказали, что в этом году занятий вообще не будет.

Мы с подружкой пошли в райком комсомола, хотели, чтоб нас отправили на фронт. Но там сначала сказали не путаться под ногами, а потом посоветовали идти... в милицию, там требовались дежурные. И в милиции нам обрадовались: «А, школьницы! Давайте, давайте, будете дежурить». Мы и так уже дежурили на крыше своего дома во время налётов вражеской авиации, правда, ни одной зажигалки не потушили, на наш дом бомбы не падали. Но на эти фантастические зрелища – ночные налёты на город – насмотрелись на всю жизнь, когда синие лучи прожекторов рыскают по чёрному небу, а аэростаты воздушного заграждения похожи на всплывающие со дна городского моря подводные лодки с их сетями против пикирующих самолётов. Помню, как одна бомба упала на Кропоткинской улице, за несколько кварталов от нашего переулка. В Хлебном переулке, вблизи Арбата, бомба попала в угол дома, разворотив аптеку. Здание театра Вахтангова на Арбате тоже было повреждено.

Дежуря по заданию милиции, мы с Люськой подозревали шпиона в каждом незнакомом прохожем. За одним подозрительным мужчиной мы крались почти до Арбатской площади, но так и не дождалась, когда он начнёт подавать сигналы немецким лётчикам. Потом дежурства стали серьезнее. Нам выдали ночные пропуска и поручили дежурить около маленького хлебозавода недалеко от Крымского моста. Мы бродили, продуваемые холодным ветром с реки. Темень жуткая, ветер свистит, а у нас ни формы, ни оружия, только свистки, чтобы подать сигнал, если появятся какие-нибудь подозрительные личности. К счастью, всё было спокойно. Нас самих несколько раз останавливал ночной патруль, но, проверив наши документы, нас хвалили, что, дескать, молодцы, девчушки, хорошо службу несёте.

В декабре нас решили окончательно мобилизовать в милицию. Обещали выдать форму, платить зарплату, карточки продовольственные дать. Но это нас не устраивало, мы хотели на фронт, только на фронт! А это не удавалось... Уже после поражения немецко-фашистских войск под Москвой мы с Люськой наткнулись на вывеску курсов радиотелеграфистов. Находились они в самом центре Москвы, рядом с ГУМом, на улице 25 Октября. Посоветовавшись с матерями, записались на эти курсы и занимались там около месяца. Начали с азбуки Морзе. Довольно быстро научились на слух определять буквы.

На этом, собственно, курсы и закончились. Добровольцев, сказали, будут посылать в военную школу. Мою подружку Люську занесли в список, а меня нет – мне ведь было только шестнадцать... Я разревелась, стала упрашивать начальника курсов, и он сдался, но сказал, что из военной школы меня всё равно выгонят. А не выгнали! На мой год рождения там просто не обратили внимания.

В Московской школе по подготовке радиоспециалистов, которая находилась в Тайнинской, на северо-востоке от Москвы, нам, прежде всего, выдали форму – непривычную для нас, резко пахнущую чем-то казённым одеждо. Началась армейская жизнь и настоящая военная подготовка. Занимались строевой, часами маршируя на плацу, устроенном во дворе. Лихо пели: «Эх, махорочка-махорка, породнились мы с тобой...» Ползали по-пластунски, окапывались. Каждый день разбирали и чистили оружие. Я старалась вовсю, всё ещё боялась, что меня отчислят за мой возраст.

Приёму и передаче учились на стендах. Движения при передаче на ключе должны быть совершенно ритмичными. Надо выдерживать соотношения длины короткого и длинного сигналов, длины интервалов в самих знаках, между буквами или цифрами и между группами. Только так вырабатывается чувство ритма и однообразие почерка.

В увольнение нас почти не отпускали, ждали принятия присяги. Меня же больше всего радовало то, что после принятия присяги я стану настоящей военной, и домой меня уже больше не отправят.

После принятия присяги занятия по специальности продолжались. Преподаватели объясняли нам, что связь напоминает нервную систему человека. Без связи армия не может вести войну. Нельзя без связи управлять крупными или мелкими подразделениями. Нас готовили к фронту. Несколько раз нас поднимали по тревоге, и мы не знали: учебная эта тревога или боевая, после которой нас отправят на фронт и бросят в бой. Но о фронте мы имели самое смутное представление.

Меня направили во Вторую Воздушную армию резерва Главного командования, в 261 отдельную роту связи. Рота связи, как и вся армия, только формировалась к лету 1942 года на аэродроме в Тушино под Москвой, где перед войной проходили воздушные парады. Здесь летали Чкалов и другие знаменитые лётчики. Во время войны ничего уже от праздничной обстановки не осталось. Мы жили в вырытых на краю лётного поля землянках, учились работать на боевых радиостанциях. Это было сложнее, чем в школе на стендах. Там не было помех, а здесь голова шла кругом от количества работающих в эфире радиостанций. Девочки-радистки расстраивались, даже паниковали, но потом к нам прикрепили двух опытных радистов со стажем – Кобылина и Арбатского. Они сидели рядом с нами и помогали настраивать контур. Учили этому и нас. Дело пошло.

Как и в училище, занимались строевой подготовкой, чистили оружие, ходили в наряды. В сентябре нас из землянок перевели жить в казарму недалеко от Тушино, тогда же нашу только что созданную армию, из-за нехватки самолётов, преобразовали в Первый штурмовой авиационный корпус резерва Главного командования. Командовал им генерал-лейтенант авиации Василий Георгиевич Рязанов. В этом корпусе я прослужила до конца войны, дошла с ним до Берлина и Праги.

Но это ещё всё будет впереди, а пока что служба была тяжёлой, да и голодно было. В рационе нашего питания даже картошки не хватало. Мы бежали на ближайшее поле, собирали капустные листья, ели с удовольствием. Вкус той капусты помню и сейчас, так же как вкус супа из селёдки, которым нас кормили.

Почти все девушки у нас были москвичками. Приезжали родственники из недалёкой столицы, ужасались нашему суровому житью, многие мамы даже плакали. Помню, одна мамаша всё уговаривала свою дочку бросить армию, вернуться домой. Девушка ответила ей: “Мама, ну я не пойду на фронт. И другие не пойдут. А кто же тогда будет защищать страну?” Всем нам казалось, что без нас и победы не будет.

В начале октября 1942 года нас всех погрузили в эшелоны и отправили на Калининский фронт. Из Москвы мы отправились от Рижского вокзала на открытой платформе. Уже похолодало, и мы сильно замёрзли. Чем дальше мы двигались от Москвы, тем всё больше вокруг было примет приближающегося фронта: обломки вагонов, воронки от взрывов бомб и снарядов, чёрные печи на месте сгоревших домов. Только теперь мы начинали понимать, как сильно война опустошила Россию, сколько горя вокруг.

Штаб нашего корпуса расположился недалеко от города Андреаполя в тверских пределах, здесь в роте связи мы получили своё первое боевое крещение. Жили мы в избе недалеко от речки, в середине села. Рядом с нами, в здании бывшего клуба, располагалась радиостанция. Базировались мы не на самой линии фронта, но работы было много – готовилось наступление на Великие Луки, и все радиопередачи были, конечно, зашифрованы. Мы работали, не зная, что и кому передаём, только по условным позывным. Когда дежуришь, то сидишь в наушниках, слушаешь. Услышав свои позывные, заносишь в аппаратный журнал время вызова и станцию. Ты отвечаешь ГА – согласен на приём, когда всё кончается, то отстукиваешь РЖД – приём окончен. Переданную радиограмму передаёшь по телефону в штаб. Вроде всё и несложно, но когда в эфире шум, помехи, то нервничать приходится здорово, ведь радиограммы идут с передовой, кто знает, в каких условиях работает тот неизвестный радист, сможет ли он повторить свою радиограмму, если её не разобрать с первого раза...

Бои были очень тяжёлые. Процент потерь среди лётчиков на Калининском фронте был высоким. Многие лётчики успевали сделать лишь два-три вылета. Немцы располагали тогда большим количеством самолётов. Лётчики умирали, как настоящие герои. 15 января 1943 года зенитный снаряд попал в самолёт капитана Бородинки. Коммунист Степан Бородин не выпрыгнул с парашютом на территории врага, а направил свой Ил-2 на скопление вражеских танков и врезался в них.

Мы в своей деревушке передовой не чувствовали. Только временами глухо слышалась канонада. Нас не обстреливали, но бомбили довольно часто. Особенно жаловались на налёты девчонки-телеграфистки, ходившие на дежурство в штаб корпуса, их обстреливали по дороге, приходилось отлёживаться

в снегу. Мы же посменно дежурили и ходили в наряды. Жили впроголодь. Почти всё свободное время от дежурств и сна чистили картошку. Другой пищи не было, но мы не унывали, рассказывали друг другу фантастические истории, спорили о политике, просто сидели у огня. Вообще мы жили, как отшельники, да это и понятно, ведь у нас над рабочими местами висел лозунг: “Связисты Красной Армии! Помните, что хорошая связь является условием победы над врагом! Болтун – находка для шпиона!” Через нашу радиостанцию шли важные сведения, разглашение которых дорого бы стоило нашим войскам. Нам запрещали вести дневники, с кем-либо контактировать, вообще выходить из села.

Незадолго до нашего отъезда с Калининского фронта в феврале 1943 года исполнилось 25 лет Красной Армии. Юбилей этот совпал по времени с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом и с большими успехами, которые были достигнуты и на нашем Калининском фронте. В Приказе Верховного Главнокомандующего от 25 января 1943 года отмечались войска Калининского фронта, освободившие города Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки. В марте 1943 года наш корпус перебазировали на юг.

Наш корпус теперь входил в состав Воронежского фронта. Нам выдали новую форму, одежду, погоны. Глядя на эти новые знаки отличия, такие неприличные для красноармейцев, я вспомнила оставшуюся дома фотографию отца, сделанную, как написано на обороте, в июне 1916 года, когда они воевали на германском фронте. На нём, молоденьком поручике, были видны погоны, а больше я их нигде и никогда не видела. Мой отец был русским дворянином, и уже во время Великой Отечественной войны снова пошёл на фронт, а ему тогда было около 50 лет. В таком возрасте он воевал в кавалерии, воевал хорошо, был награждён.

Мы уже воевали на Украине. Здесь всё было иным, чем в северных тверских местах. Нашу роту связи поселили по хатам в одном украинском селе. Нам дали новую радиостанцию – РАФ-КБ. Мощность в антенне у неё достигала 400–500 Вт. Дальность действия – до 600 км. К этой радиостанции была придана старенькая полуторка, на которой мы доехали почти до Берлина.

С нами провели ещё несколько занятий по работе радиостанции в полевых условиях. Все мы ждали событий. И рвались в бой. Нам хотелось участвовать в наступлении, гнать фашистов. Предчувствие больших событий не было обманчивым. Вскоре разразилось грандиозное сражение, получившее в военной истории наименование Курской битвы. На рассвете 6 июля наши бомбардировщики и штурмовики нанесли удар по районам скопления танков, мотопехоты и артиллерии противника, применив противотанковые, осколочные и фугасные бомбы. 7 июля двумя сосредоточенными ударами 1-го штурмового авиакорпуса была сорвана атака крупных сил танков и пехоты немцев в районе Сырцово, Яковлево. Кажется, в этот момент к нам поступила радиограмма открытым текстом, продублированная по телеграфу, – и тоже без шифровки, что было из ряда вон выходящим и оправдывалось только чрезвычайной обстановкой: “Двигается огромное количество танков противника к такому-то пункту (только это и было зашифровано). Срочно необходима поддержка штурмовиков. Должны вылететь все наши самолёты”. Радиограмма была тот же час передана командованию.

Действиями штурмовиков совместно с противотанковой обороной наземных войск было уничтожено более двухсот вражеских танков. От командующего 6-й гвардейской армией пришла телеграмма на имя командира корпуса генерала Рязанова: “Командующий 6-й гвардейской армией передал Вам, что работой штурмовиков наземные части очень довольны. Штурмовики работают хорошо”. А лётчики в это время совершали по 5–7 вылетов в день. Грандиозное танковое сражение произошло западнее Прохоровки. В битве участвовало до 1200 танков и самоходных орудий. С танкистами Ротмистрова и Каткова умело взаимодействовали наши лётчики, которые буквально висели над полем, выискивая танки со свастикой и прожигая их броню противотанковыми бомбами. Было уничтожено до 400 вражеских танков.

Война продолжалась. Меня и ещё двух моих подруг радисток перевели на ответственную работу, на ВПУ. Это так называемый вспомогательный пункт управления. По сути – это отдельная машина, полуторка, на которую установлена мощная радиостанция. Эта радиостанция действует автономно, в обстановке строгой секретности, чтобы её не смог засечь враг. Работа там была особо секретная, ответственная, связанная с большим риском. Часто работали, просто остановившись среди чистого поля. Все сообщения шли строго за-

шифрованными, шифровальщик – лейтенант Николай Ерошенко – даже от нас тщательно скрывал свои шифровальные таблицы. Как я удивилась потом, спустя много времени, когда узнала, что шифровались все наши сообщения с применением древнерусского языка, на основе тайнописи, встречающейся в русских летописях XII–XIII веков! Они так и остались недоступны для расшифровки врага.

Выполняли мы также и непосредственную связь с лётчиками во время боя. Тогда только ещё начинали устанавливать радиостанции на самолёты, не все лётчики умели ими пользоваться, да ещё при этом соблюдать конспиративность. Всё это отработывалось в бою, в полевых условиях.

Действиями штурмовиков по радио часто руководил командир корпуса Василий Георгиевич Рязанов. Генерал Рязанов лично знал не только всех ведущих групп, командиров эскадрилий, но и простых лётчиков, знал их боевые возможности. Если генерал Рязанов был на наблюдательном пункте, даже ночью, нам приходилось работать и не спать. Генерал был очень прост в обращении, в свободные минуты рассказывал нам о своей жизни, о службе, делился своими мыслями о послевоенной жизни. Он много учился и сам учил других. Однако и требовать с подчинённых умел очень строго. Мы, работая тогда на ВПУ, старались изо всех сил. Больше трибунала мы боялись подвести своего генерала. Лучшей наградой для нас было его одобрение. Все ведущие групп знали голос командира корпуса. Однажды Одинцов вызвал КП Рязанова, ему ответили, что слышат его хорошо, разрешают выполнять задание. А он не поверил, мало ли, вдруг это вражеские голоса подстраиваются в эфире. Тогда микрофон взял сам Рязанов и подбодрил Одинцова. Тот ответил: “Теперь другое дело! Слышу Ваш голос, приступаю к выполнению задания!”

Смысл того нового, что внёс Рязанов в тактику боевых действий, заключается, прежде всего, в гибкой системе управления штурмовой авиацией, в увеличении её маневренных возможностей. Рязанов разработал и осуществил такую систему перебазирования, при которой штурмовые соединения всё время находились вблизи линии фронта и оперативно взаимодействовали с наземными частями. Это во многом и предопределило успех в борьбе с врагом во второй половине войны. Наша система взаимодействия родов войск на поле боя оказалась эффективнее немецкой.

Неутомимый и бесстрашный генерал Рязанов наводил штурмовики на цели, командуя по радио отдельными экипажами или группой, ставшей в “круг”, подсказывал штурмовикам, когда им в хвост заходил фашистский истребитель. Работа оперативной группы корпуса на пункте наведения нередко проходила под артиллерийско-миномётным обстрелом и бомбёжкой противника. Наши радиостанции имели пробоины от осколков снарядов противника, но мы работы не прекращали, наведение продолжалось. Однажды, это было уже на территории Польши, во время Сандомирской операции, на нас вышли немецкие “фоккеры”, они стали пикировать на наши радиостанции. По моей команде – я к тому времени уже была командиром – весь личный состав вывалился из радиостанций и покатылся вниз по крутой осыпи. В этот момент загорелись и сгорели дотла обе наши станции. Мы внимательно осмотрели свои сгоревшие машины, убедились, что шифры тоже сгорели, и пошли пешком в указанный нам пункт. Никто из наших экипажей тогда не пострадал.

В разгар ожесточённых боёв на Украине, во время Корсунь-Шевченковской операции, 5 января 1944 года, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин подписал очень важный и почётный для нас Приказ № 016. “В боях за Советскую Родину против немецких захватчиков 1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус показал образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, 1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус своими смелыми и решительными действиями нанёс огромные потери фашистским войскам, беспощадно громя и уничтожая живую силу и технику противника.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус в гвардейский. Преобразованным авиасоединениям и полкам корпуса вручить гвардейские знамёна.

Народный комиссар обороны

Маршал Советского Союза И. Сталин”.

...Мы вступили в Германию. Хотелось запомнить первый шаг по земле поверженного врага, но ехали мы ночью, и только утром выяснилось, что находимся уже в Германии. Первый увиденный нами немецкий город горел. Страшное и мрачное зрелище. Вот к чему пришла Германия, а ведь не так они думали закончить войну. Уцелевшие дома со всеми вещами были брошены своими хозяевами. Мы ходили, осматривали брошенные дома, поражались – как же богато и комфортно жили немцы! Что понадобилось им в других странах, зачем пришли они в нашу, совсем не такую богатую Россию, что им не хватало? Вспоминаю эти немецкие городки, казавшиеся тогда нам идеалами чистоты и комфорта, конечно, по контрасту с нашей кочевой жизнью на фронте. Вспоминаю сейчас конец мягкой, почти бесснежной зимы. Март. Сырой, бесцветный, но уже весенний, а главное – стоящая на пороге Победа... Мы с Таней, моей фронтовой подругой, одеты в телогрейки, боязливо оглядываемся, выходя на незнакомую немецкую улицу. Но радость молодости, весны, победы над врагом оказывается сильнее страха. Мы подмигиваем друг другу, улыбаемся, проходим метров сто по совершенно пустынной улице, а затем поворачиваем и бежим обратно. Война кончается...

Берлинская операция, как известно, началась 16 апреля 1945 года. Советская авиация удерживала господство в воздухе, прикрывала наши войска от ударов всё ещё боеспособной авиации противника. Генерал Рязанов со своей оперативной группой переместился на КП танковой армии Лелюшенко, которая уже прошла за реку Шпрее и находилась возле Берлина. Наша группа связи, или передвигная команда ВПУ, была снабжена всем необходимым. Пожалуй, первый раз за всю войну мы выезжали так мощно экипированными. Теперь нас с нашими радиостанциями возили огромный американский “студебеккер” и “додж”. Был ещё автомобиль “виллис”, очень похожий на наш “газик”. Мы мчались вперёд в клубах дыма и пыли, под рёв танковых моторов и грохот гусениц. Это называется: танки пошли в прорыв. Ребята в чёрных комбинезонах приветственно махали нам со своих танков и кричали что-то. Одно чувство переполняло всех: торжество и ликование. Впереди была Победа, но предстояли ещё бои в Берлине.

Бои в районе Беелитца, где гитлеровская армия генерала Венка пыталась нанести контрудар, были ожесточёнными. Нам, радистам, было тяжело работать даже короткое время. Немцы засекали нас своими пеленгаторами и поднимали ураганный обстрел. Приходилось отбегать в сторону, залегать и пережидать огонь. Когда огонь затихал, мы снова включали свой передатчик, и тут же немцы снова начинали стрелять. Нам приходилось работать даже на чердаках разбитых домов, откуда, кстати, открывался прекрасный обзор. На многие размышления наводил вид пылающей столицы Германии. Вспомнилась такая история, о которой приходилось читать: во время русско-прусской войны в XVIII веке, а именно в 1760 году, лейб-гренадерский полк при осаде Берлина после кровопролитного штурма первым занял его предместье. Берлин сдался и преподнёс русским солдатам ключи от города. В память этого события полку были пожалованы серебряные трубы с надписью: “Первому гренадерскому полку за взятие Берлина 26 сентября 1760 года”. А вот спустя 185 лет лётчики Рязанова сбросили в боевые порядки нашей наступающей пехоты копии ключей от берлинских ворот, вручённых русским воинам в 1760 году.

Наш корпус закончил войну, именуясь: 1-й гвардейский штурмовой авиационный Кировоградско-Берлинский Краснознамённый орденов Суворова и Кутузова корпус.

А сама я войну закончила в Праге 10 мая 1945 года. Я сидела в машине и работала. Вдруг кто-то окликает меня, дёргает за рукав, хлопает по плечу. Я оттянула наушник, спрашиваю: “В чём дело?” Мне кричат: “Победа! Победа!” Я разозлилась: какая победа, если столько работы...

Да, работы было ещё много... Ликовал весь мир. Радовались и жители того чешского села, возле Праги, где мы встретили Победу. Трудно было пройти несколько метров, чтобы тебя не схватили, не начали качать на руках, дарить цветы, угощать. От криков: “На здраве!” кружилась голова. А впереди был ещё путь в Австрию, куда перебросили наш корпус. В Москву я вернулась лишь в сентябре 1945 года.

Помню пустой перрон Белорусского вокзала. Всё уже позади, мне только двадцать лет, а за плечами уже целая война...